

Г.И. Мусихин,
И.В. Соболева
Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

ГОСПОДСТВО АДМИНИСТРАТИВНОГО КЛАССА В РОССИИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В ходе совместного проекта Лаборатории политических исследований ВШЭ и Университета Эмори (Атланта, США) была проведена серия интервью с представителями региональной политической элиты, бизнес-элиты и гражданского общества. Предварительный анализ ответов респондентов показал, что во всех четырех исследуемых регионах существует *проблема в формировании политической коммуникации между региональными властями и общественными группами*. Во всех регионах инициативы социальных объединений и ассоциаций становятся значимыми для региональной власти только в том случае, если они получают поддержку на федеральном уровне. На региональном уровне существуют формальные политические институты, призванные поддерживать коммуникацию, однако в них не заложена функция политического мониторинга, и потому фактически их функцию выполняют другие, неформальные институты.

В связи с этим имеет смысл поставить *вопрос о фактическом существовании политического дискурса в изучаемых регионах и институциональных особенностях, обуславливающих его наличие/отсутствии*. Важно понять, во-первых, какие принимаемые властью политические решения воспринимаются респондентами как *политические*. Вторая задача – объяснение причин затруднения политической коммуникации на региональном уровне и осмысление феномена назначаемости, а не избираемости губернаторов и основных политических по своему функционалу фигур. В статье обобщаются результаты критического дискурс-анализа, посвященного решению указанных задач.

Гипотезы исследования

1. В региональной институциональной среде сложилось два рынка принятия политических решений – публичный и непубличный, поскольку у региональных властей в результате реформ 2004–2007гг. образовалось две базы легитимности: мнение центра и регионального гражданского сообщества.

2. Решения, выносимые властью на обсуждение в публичное пространство, являются техническими, в то время как политические решения (и, соответственно, политический дискурс) возникают внутри бюрократического аппарата.

3. Затруднения политической коммуникации на региональном уровне обусловлены феноменом назначаемости, а не избираемости губернаторов.

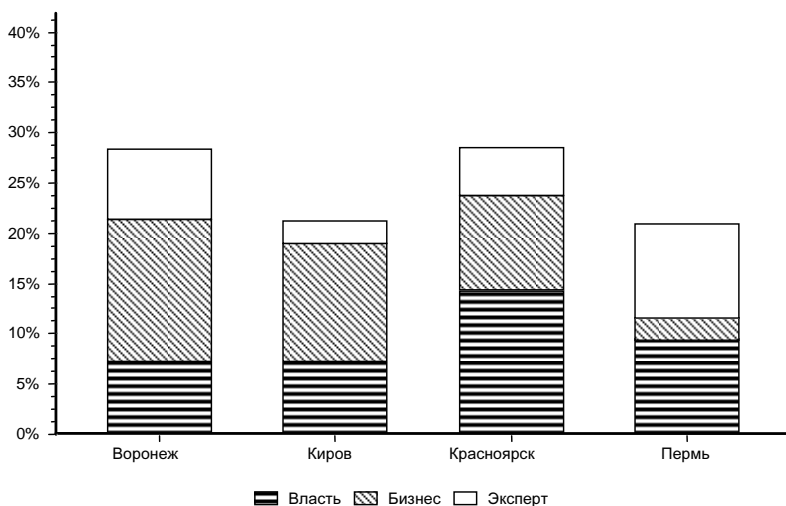
Информационная база исследования

Сбор первичной информации осуществлялся с помощью экспертных интервью, проводившихся летом-осенью 2010 г. в Кировской области (г. Киров), Пермском крае (г. Пермь), Красноярском крае (г. Красноярск) и Воронежской области (г. Воронеж).

Респонденты анонимно отвечали на вопросы об особенностях выработки региональной экономической и социальной политики. Преимущество полученных текстов – минимизация влияния интервьюера, которая является одним из желательных принципов так называемой трехмерной модели Фэйрклоу [Fairclough, 2003]. Вопросы задавались в форме предложения тем для дискуссии, например:

- *Как бы вы описали региональный климат, сложившийся для развития малого и среднего бизнеса?*
- *Как бы вы оценили настроения, господствующие сейчас в среднем классе?*
- *Вы могли бы вспомнить, какие вопросы стоят сейчас на повестке дня на консультациях... (бизнеса и власти, гражданского общества и власти и т.д.)?*

Далее респонденту предлагалось в анонимной форме ответить на заданные вопросы без вхождения в дискуссию с интервьюером. Всем категориям респондентов задавались одинаковые вопросы. Распределение респондентов по категориям и регионам представлено на рис. 1.

Рис. 1. Распределение респондентов по типам и регионам

Методика и методология анализа

Рассматриваемый вопрос о фактическом существовании публичного политического дискурса в изучаемых регионах предполагает выбор такого концептуального дизайна, в рамках которого было бы возможным (1) выделить публичное пространство и публичный дискурс на региональном уровне и (2) дать практические рекомендации по восстановлению политической коммуникации на региональном уровне.

Критический дискурс-анализ (CDA), предоставляя возможность рассмотрения логик респондентов и составления их когнитивных карт, ставит исследователя на достаточно пластичную наблюдательную позицию. В отличие от дискурс-анализа фуконианской школы, отрицающей субъектность участников дискурса, CDA перенял у дискурсивной психологии практики анализа когнитивных качеств субъектов дискурса [Jørgensen, Phillips, 2002]. Из лингвистики CDA заимствует различные подходы к анализу дискурса, контекста и использованию языка [Fairclough, 2003]. Важной особенностью CDA в контексте работы с политическими категориями является способность к выявлению в языковых структурах властных отношений доминирования, дискриминации и господства. CDA позволяет различать не только взаимоотношения между языком и обществом, которое говорит на этом языке (с этой задачей вполне справляет-

ся обычный коммуникационный анализ), но два дискурса: дискурс как объект исследования и дискурс как аналитический инструмент [Wodak, 1997, p. 172–173].

В рамках CDA нами было проведено:

- когнитивное картирование респондентов из каждой категории;
- статистический анализ упоминаемости ключевых слов в ответах респондентов;
- распознавание контекстов речи респондентов.

Обобщение результатов критического дискурс-анализа

В рамках принятой методологии проблемы, озвученные респондентами, можно переформулировать следующим образом.

Общие характеристики дискурса респондентов.

- Высокая степень неопределенности у всех категорий респондентов: непонимание того, в каком направлении движется страна и каковы стратегические цели государства. *Респондентов, однако, не устраивает пафосный державнический дискурс*: доминируют вопросы о месте России в мировой экономической системе, о роли регионов, о взаимном сотрудничестве государства и общества.

- У всех респондентов наблюдается примечательная *склонность к вытеснению слова «власть» словом «партия»*. Контекст был практически во всех случаях негативным (кроме позитивного отношения двух респондентов, представляющих фракцию «Единой России» в законодательных собраниях регионов).

- Ностальгия по СССР проявляется *не в имперском синдроме*¹, а в позитивной оценке степени ответственности чиновников перед государством (три респондента прямо сравнивали партию КПСС и ЕР, объясняя, что первая партия была способом контроля над региональными чиновниками, тогда как вторая стала банальным «ярлыком на царство»). Упоминалось, что членство в КПСС давало преимущественно политический и статусный ресурс, а членство в ЕР легитимировало экономические претензии партийца в регионе.

- У всех респондентов высока степень отторжения региональной политики Москвы, особенно ее бюджетной составляющей: *существующая мо-*

---

¹ Необходимо поставить под вопрос распространенную в академической среде убежденность в «имперскости» россиян: никто из наших респондентов не упоминал о суверенитете государства, национальной мощи или державничестве. Реплики о «великой стране» встречались только по отношению к СССР и только в контексте оценки экономической мощи.

дель распределения благ между центром и регионами однозначно признается нелегитимной.

Особенные характеристики дискурса респондентов.

- У представителей административной элиты чаще, чем у остальных, встречаются *патерналистские модели дискурса* (ключевые слова «дети», «надо», апелляция к безответственности гражданского общества, местоимения множественного числа «они» и «мы»). Нет ориентации на достижение консенсуса (доминирует установка «мы предлагаем, а они не берут»), равно как и понимание того, что гражданское общество не гомогенно.

- В дискурсе опрошенных представителей предпринимательского сообщества слово «государство» ключевым не является, в отличие от слов «деньги» и «бизнес». Однако это не означает, что бизнес разделяет либертарианскую установку на вмешательство государства в экономику: дискурс «необходимости поддержки» широко распространен в бизнес-среде, но никто из респондентов не смог конкретизировать, какую именно поддержку должны предоставить властные структуры.

- В глазах бизнеса и гражданского общества власть также не детализируется. Доминирует установка на обобщение образа региональной власти.

Единого политического дискурса на региональном уровне не сформировано. Публичное пространство сильно фрагментировано: существуют несколько изолированных друг от друга дискурсов, однородно идеологически окрашенных; отсутствуют очевидные основания для интеграции этих дискурсов внутри региона (уровень взаимозависимости дискурсов низок). Объединяющим контекстом может служить:

- отношение респондентов к политике федерального центра;
- отношение респондентов к политике партии «Единая Россия»;
- отрицание респондентами навязываемого федеральными властями политического дискурса «державности».

Здесь важно отметить, что идея о «новой Российской империи», транслируемая федеральными СМИ, не может служить интегратором региональных элит: респонденты в своем большинстве не продемонстрировали склонности к державническому дискурсу или имперскому синдрому. *Поэтому патетико-патриотический дискурс скорее дает обратный эффект, разделяя, а не объединяя региональные элиты.*

Особенности регионального публичного пространства в логике делиберативной демократии

Вторым шагом, предусмотренным дизайном исследования, стала интерпретация полученных в ходе CDA результатов с помощью теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Хабермас, 2001]. Эта теория была выбрана нами, поскольку в ней детально проблематизируется политический дискурс в контексте публичной коммуникации. Хабермас предлагает делиберативную модель демократии, в которой вынесение важного политического решения сопровождается справедливым сопряжением результатов, предполагающим не обычное для демократий калькулирование голосов, а выработку на основе свободной политической коммуникации приемлемого для большинства участников решения.

Мы предлагаем объяснить проблемы, упомянутые респондентами, существованием препятствий к объединению разных дискурсов в рамках регионального публичного пространства². Анализ дискурсивных логик респондентов показывает, что *респонденты, относящиеся к региональным властным структурам, не готовы к вступлению в политический дискурс*. Региональная власть не видит себя модератором публичного пространства в регионе: вместо нее арбитрами в региональных спорах становятся федеральные надзорные органы. *Ситуация осложняется не тем, что все политические решения вынесены из публичного пространства, а тем, что большинство респондентов считают такую практику приемлемой*. Они не видят логической связи между публичностью политических вопросов и экономически понимаемой эффективностью региональной власти.

Наблюдаемые процессы являются следствием реформы региональной организации власти 2004 г., после которой сформировалась региональная элита, не получившая опыта участия в конкурентных выборах. У чиновника, прини-

---

² При широком понимании политического как относящегося к отношениям господства и подчинения (иначе – борьбе за власть) мы сталкиваемся с необходимостью выделить из большой совокупности региональных дискурсов государства и подчинения именно тот дискурс, отсутствие которого (проблемы с которым) снижает эффективность коммуникации между региональными игроками. Иными словами, необходимо сформировать критерий, который будет логически приемлем для выбранной концептуальной конструкции. Мы решили воспользоваться определением политического, данным Х. Арендт. Она подразумевала под политикой коммуникативное действие, способное поднять гражданина над необходимостью и детерминизмом жизненного процесса. Безусловно, у такой трактовки понимания есть существенный недостаток – противоречие обыденному пониманию власти, однако в логике CDA мы имеем право воспользоваться концепцией Арендт в качестве аналитического инструмента для исследования дискурсов.

мающего политически значимое решение (например, об открытии особой экономической зоны в регионе, изменении ставки налога, о собственной отставке или вступлении в партию), нет стимулов для вынесения процесса обсуждения в публичное пространство. За прошедшее с реформы 2004 г. время «не только назначение, но и отстранение губернаторов от должности приобрело характер преимущественно непубличных процедур, в которых публичный эффект был далеко не главной составляющей, и к которому власти не очень стремились» [Туровский, 2009]. Поскольку региональный бюрократ не избирается, а назначается на свою должность, он стремится легитимировать свои действия не перед политическим сообществом, а в глазах собственного руководства и релевантных групп влияния. В результате исчезает принципиально важная для демократии способность административной власти обосновывать перед обществом соответствие своих действий проводимому политическому курсу, происходит нарушение политической коммуникации и в конечном итоге потеря властью собственной легитимности.

При сохранении выявленной особенности регионального публичного дискурса российские элиты, в достаточно скором времени, столкнутся с необходимостью *пересмотра регионального законодательства в области политики бюджетного федерализма*. В экспертном сообществе за последние два «кризисных» года сформировался запрос на регионализацию политической власти в стране; очевидно, что активность и недовольство региональных элит будет увеличиваться по мере ухудшения региональной экономической конъюнктуры и снижения доходов в региональный бюджет³, что постепенно приведет региональные власти к необходимости выхода в публичное пространство. Однако регионализация не может состояться без возвращения выборов губернаторов и изменения налогового распределения между центром и регионами.

Выводы

1. Институциональный дизайн региональной власти изначально включал в себя создаваемые «сверху» институты канализирования конфликта. Однако в течение последних двадцати лет способность региональных законодательных

---

³ Регионы пострадают больше центра в связи с пересмотром налоговой политики и заменой ЕСН на взносы социального страхования, поскольку большая часть доходов от малого и среднего бизнеса уходила в региональные бюджеты. После налоговой реформы минимум 25% предпринимателей высказали желание уйти в тень, избегая выплаты 34% налога на соцстрах (по данным Института Гайдара, (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1544557&ThemesID=391>)). Следовательно, региональные бюджеты недополучат налоговых взносов и недовольство региональной элиты, возможно, усилится.

собраний, отделений ФНПР и Общественной палаты агрегировать и артикулировать возникающие социальные конфликты неуклонно снижалась. Наряду с этим процессом возникают фактические проблемы, которые в силу указанных выше причин не выносятся в публичное пространство и создают латентный конфликт между региональными властями, бизнесом и группами гражданского общества. Этот конфликт является политическим, однако в отсутствие политического дискурса его пытаются решить административным или экономическим путями.

2. Отмена региональных выборов и сокращение публичного пространства поддерживают господство административного класса в регионах. Анализ проведенных интервью показал, что принимаемые властью административные решения не подчинены единой логике, у регионов нет осознанной и обсуждаемой стратегии развития, поскольку она вырабатывается без публичного обсуждения со всеми политическими игроками (от федеральной власти до НГО и НКО). Не понимая этой стратегии, общество не способно оценить предлагаемые меры региональной политики и, соответственно, не принимает предлагаемых властью правил игры. В результате легитимность региональной власти постоянно оспаривается, и имеет смысл говорить о легитимных решениях, а не легитимности власти в целом.

3. Внутри иерархии чиновников также возникает противоречие, поскольку назначенные региональные бюрократы имеют административное право принуждения по отношению к руководителям муниципалитетов, несмотря на то, что база их легитимности принципиально отличается (местное сообщество у первых и федеральная власть у вторых). Это противоречие позволяет говорить о возможности формирования политического дискурса не вне административной системы, а внутри ее, поскольку все общественные группы стремятся к реализации своего представительства в обсуждении политических решений даже в условиях сжимания политического пространства.

4. Инициативы региональных властей не соответствуют современной социальной структуре, которая, не будучи выражена публично, так и не была отражена в политическом дискурсе. Новые социальные группы остаются нерепрезентированными в политической сфере. Новые роли и новые участники социального взаимодействия не выходят в публичное пространство [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008], не формируются каналы артикуляции интересов новых социальных групп: малого и среднего бизнеса (особенно его этнического сектора), нового поколения ученых и интеллектуалов, молодых семей, вынужденных снимать квартиры в условиях дефицита предложения на рынке недвижимо-

сти (заметим, что первая в России монография, рассматривающая таких людей как социальную группу, была издана Е. Шоминой в 2010 г.⁴). Все эти группы, активно объединяющиеся и коммуницирующие в виртуальном пространстве, не имеют реального воплощения и собственного политического представительства. Их проблемы решаются теневыми способами. На муниципальном и региональном уровнях власти затруднено создание партий и общественных объединений с политическим статусом, а на федеральном уровне свободные выходы в публичное пространство практически заблокированы.

5. В созданных институциональных рамках возможности формирования единого политического публичного дискурса на региональном уровне крайне ограничены. Несмотря на это, у дискурсов региональной власти, бизнеса и гражданского общества есть общие черты: ориентация на самостоятельность от федерального центра и отрицание «имперского дискурса», навязываемого сверху. Однако формирование единого политического дискурса на этих основаниях приведет к обострению противоречия в системе центр–регионы и неизбежно повлечет за собой необходимость пересмотра политики бюджетного федерализма и регионального избирательного законодательства.

Литература

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011.

Туровский Р.Ф. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2009. № 2. С. 72–89.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Политические исследования.* 2009. № 2. С. 77–95.

Тичер С., Мейер М. и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / пер. с нем. Медведева Ю.С.; под ред. Складнева Д.А. М.: Наука, 2001.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева; послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000.

Хабермас Ю. Политические работы. М.: Практис, 2005.

---

⁴ *Шомина Е.С.* Квартирсыемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Dijk Teun A. van. Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. Barcelona: Pompeu Fabra University, 2003.

Dijk Teun A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. University of Amsterdam, 1992.

Fairclough N. Analyzing Discourse. Routledge, 2003.

Wodak R. 1997: Critical Discourse Analysis // T. Van Dijk (Hg.) Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2.

Jørgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications Ltd, 2002.